

Новый трагизм

1. В поисках прямого высказывания. 4 ноября 1995 года умер Жиль Делёз. Он покончил с собой — выбросился из окна. Для меня эта дата означает символическую смерть постмодернизма на Западе. О прямом высказывании я услышал примерно в то же время, где-то в 1995 году, от Виктора Мизиано. Он сказал, что [поскольку мы не в постмодернизме], мы должны искать прямого высказывания, и что это очень трудно. Что же такое прямое высказывание? Во-первых, надо отказаться от культа пропозициональных установок и модальной логики. Во-вторых, прямое высказывание исключает цитаты и реминисценции, чем всегда кормился постмодернизм.

Но как отказаться от цитат и реминисценций, если «мы живем в эпоху, когда все слова уже сказаны» (своеобразное определение постмодернизма, данное покойным С. С. Аверинцевым). В-третьих (это уже касается лично меня), надо отказаться от стиля «поток бессознательного».

Новый трагизм — это очень просто — не лгать и не злословить. Ложь разрушает систему энтропией. Злословие, как писал П. Д. Успенский в книге «Новая модель Вселенной»¹, это хула на Святого Духа. Святой Дух — это самое хорошее, что есть в человеке (по его же определению). Когда мы ругаем Путина, то мы делаем его еще хуже. На нем еще остался Святой Дух? Не знаю.

2. День без вранья. Платон и Аристотель писали, что главное в философии — это удивление. «Как странно, что этот мир существует!» Делёз и Гваттари в книге «Что такое философия?» писали, что философия — это строительство концептов. Вопрос в том, можно ли эти два принципа объединить.

Новый трагизм — это, несомненно, концепт. А где же удивление? Удивление, очень позитивное, у меня вызвала книга

---

¹ *Успенский П. Д.* Новая модель Вселенной. М.: ФАИР-ПРЕСС, 1999.

Георгия Чернавина «Непонятность само собой разумеющегося»². Ничего более свежего я давно по философии не читал.

Для некоторых людей, особенно женщин, труднее всего — не врать самим себе. Мне это непонятно. Однажды моя ученица сказала мне, что не всегда бывает с собой откровенна. Я даже не понял, о чем она говорит. Как это: быть неоткровенным с самим собой? Другой мой ученик прокомментировал это одним словом — самообман. Мне кажется, что я всегда откровенен с самим собой, даже иногда слишком, хотя согласно учению Гурджиева это, скорее, невозможно, так как у человека нет одного Я, а есть множество маленьких я. И одни постоянно обманывают других. Наверно, мне только кажется, что я не обманываю себя. А та ученица, которая сказал, что не всегда бывает откровенна с собой, была как раз в этот момент наиболее честна перед собой.

3. Я тебя люблю. Я тебя люблю — самое главное прямое высказывание, ибо именно любовь, а не красота, спасет мир. «Я вас любил. Любовь еще, быть может...» Здесь, в этом гениальном стихотворении Пушкин разделался с собственным постмодернизмом, которым проникнуты и «Евгений Онегин», и «Пиковая дама», построенные на цитатах и реминисценциях. В то же время, это стихотворение, несомненно, образец нового трагизма.

Для прямого высказывания характерно, что человек *помнит себя*, когда его произносит. Поэтому оно не самопонятно (термин Г. Чернавина) и не самоочевидно. Оно возникает как будто в первый раз.

И второе — это то, что, когда человек произносит прямое высказывание, он хочет сказать то, что он хочет сказать. А это бывает очень редко. Мы посвятили этому целую книгу³. Американский аналитический философ Х. П. Грайс называет это импликатурами.

Предположим, А и Б разговаривают о своем общем приятеле В, работающем в банке. А спрашивает, как дела у

---

² Чернавин Г. И. Непонятность самоочевидного. М. : Добросвет, 2018.

³ Что ты этим хочешь сказать: Язык и параллельные миры. М. : Добросвет, 2018.

В на работе, и Б отвечает: «Думаю, более или менее в порядке: ему нравятся сослуживцы, и он еще не попал в тюрьму». Тут А вполне может поинтересоваться, что Б имеет в виду, на что он намекает или даже что значат его слова о том, что В еще не попал в тюрьму; в ответ А может услышать, что В не тот человек, который неспособен поддаться искушению своей профессии, или что на самом деле сослуживцы В — люди крайне неприятные и вероломные или что-нибудь еще в том же духе. Конечно, у А может и не возникнуть необходимости обращаться к Б с вопросом — если в данном контексте ответ известен ему заранее. В любом случае мне кажется очевидным следующее: то, что (в рассмотренном примере) Б подразумевал, имел в виду, на что он намекал и т. д., отличается от того, что он сказал — сказано было только то, что В еще не попал в тюрьму⁴.

Выход из постмодернизма долгов и мучителен, а в каком-то смысле вообще невозможен, так как в определенном смысле постмодернизм — это универсальный и атемпоральный тип художественного, научного и философского мышления (а также и бытового и речевого поведения). В этом смысле постмодернистским можно назвать Новый Завет, весь построенный на аллюзиях и реминисценциях, где нет прямых высказываний, все зашифровано либо притчами, либо высказываниями, которые воспринимаются как прямые лишь на профанном уровне, если понимать Новый Завет в духе эзотерического христианства Г. И. Гурджиева и его учеников.

«Прямое высказывание» — это когда слышишь слово и понимаешь его значение буквально. И действуешь с этим буквальным пониманием. Например, когда человек говорит женщине: «Я вас люблю», не отсылая к д'Артаньяну и Констанции Бонасье (пример Умберто Эко из «Заметок на полях «Имени розы»»), но и не так, как говорил Нэш в фильме «Игры разума» первой попавшейся девушке: «Ты мне нравишься, я хочу с тобой спать» (это не прямое, но шизофреническое высказывание — регрессивная синтонность). Типичный пример непря-

---

⁴ *Грайс Х. П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. М.: Прогресс, 1985.

мого постмодернистского приглашения к сексуальным отношениям, — это когда говорят: «Давай поужинаем вместе».

Но сказать: «Я вас люблю», — и больше ничего в это высказывание не вкладывать, никаких коннотаций, не так, что миллионы людей уже признавались в любви и потому по логике постмодернизма делать это в очередной раз бессмысленно (Умберто Эко. «Заметки на полях «Имени розы»), а так, как будто это делается в первый раз — не «как бы» (постмодернистское выражение), а «на самом деле», так, как будто есть если и не «истина», то хотя бы «правда». То есть в русле «нового трагизма» сказавший «я тебя люблю» должен «отвечать за базар». То есть действительно любить. Любость — это когда другой человек для тебя важнее, чем ты сам.

А если разлюбил, то так и сказать: «Я тебя больше не люблю». Это жестоко, но гораздо лучше, чем притворяться и обманывать и себя, и другого человека.

Еще одно проявление «нового трагизма» — делать все вовремя. Если ты получил длинное электронное послание и должен подумать, что на него ответить, то будь добр сразу же по получении этого послания напиши: «Я получил Ваше письмо, но оно настолько важно и не совсем понятно для меня, что я отвечу на него позже».

Но почему трагизм и почему новый?

Зачем люди мучают друг друга? Как они мучают: человек говорит одно, а подразумевает другое.

— Я тебя люблю.

— А что ты имеешь в виду, что ты этим хотел сказать?

— Просто я тебя люблю.

— А что значит любить? Какова этимология этого слова?

— Да причем здесь этимология?

— Как причем? надо разбираться в том, что говоришь.

— Любовь происходит от слова «любой».

— Значит, ты можешь сказать любой, что ты ее любишь?

— Да нет, я люблю *тебя*.

— И скольким женщинам ты это говорил?

Вот так мучают друг друга. Это «старый трагизм».

Новый трагизм — это когда один говорит другой: «Я тебя люблю и жить без тебя не могу, давай умрем вместе». И они идут и умирают вместе.

Кто понимает все буквально? В первую очередь дети. Христос сказал: «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18:3).

«А, вы гоните нас в православие? Нет, спасибо большое!» Да не в православие я вас гоню, а в метанойю. «Покайтесь, ибо приблизилось Царствие Небесное!» Что означает: «Измените свой ум, совершенствуйтесь, потому что время Внутреннего Совершенства уже рядом» (ср. «Не придет Царствие Божие приметным образом, и не скажут: “Вот, оно здесь”, или “вот, там”. Ибо вот, Царствие Божие внутри вас» (Лк. 17, 20-21).

Под «детьми» же на самом деле, по мнению, Гурджиева там понимаются люди с развитой сущностью.

И что же, всех-всех надо гнать в метанойю? Нет! Метанойя — это такая вещь, к которой можно прийти добровольно и путем длительных тренировок. Нет, не всех. «Ибо много званых, но мало призванных».

Но как же вообще можно призывать к трагизму. Какую трагедию мы имеем в виду? «Эдип царь»? Нет, там человек, в сущности, не отвечал за свои поступки. Там господствует судьба, точнее рок. Скорее, «Гамлет», у которого был выбор. Но какой же выбор, если все предопределено? «Все что написано, на небесах записано» (Д. А. Пригов).

Но почему герой трагедии должен был страдать и что означает его «трагическая вина»? Мы сократим дискуссию и дадим быстрый ответ. Он должен пострадать, потому что он праотец, герой той великой доисторической трагедии, тенденциозное воспроизведение которой здесь разыгрывается, а трагическая вина — это та, которую он должен взять на себя, чтобы освободить от вины хор. Сцена на подмостках произошла от той исторической сцены, можно сказать, при помощи целесообразного искажения, в целях утонченного лицемерия. В той древней действительности именно участники хора причинили страдание герою; здесь же они изводят себя сочувствием и сожалением, а герой сам виноват в своем страдании. Вваленное на него преступление, заносчивость и возмущение против большого авторитета составляют именно то, что в действительности тяготит участников хора. Таким

образом, трагический герой — против воли — становится спасителем хора⁵.

4. Теория небесных влияний. «Теория небесных влияний» — название фундаментальной книги, несомненно, самого талантливого и светлого ученика П. Д. Успенского, английского мыслителя Родни Коллина. В своей книге⁶ Коллин прослеживает взаимосвязь всех частей Вселенной и человека от Абсолюта, галактик, нашей галактики Млечный Путь, Солнечной системы, планет, Земли и Луны, цивилизаций, человека, его желез внутренней секреции вплоть до клетки, молекулы и электрона. Эту книгу даже нельзя назвать эзотерической, настолько ясно и убедительно она написана. Но каким образом она связана с новым трагизмом?

Я мысленно читал лекцию своим друзьям в Белграде. Я им объяснял, что такое новый трагизм. Я говорил каждому: «Я люблю тебя, Корнелия!», «Я люблю тебя, Таня!», «Я люблю тебя, Стефан!», «Я люблю тебя, Белград!» Я распространял мысленно на них тепло своей любви, которой в сегодняшний морозный и очень солнечный первый день календарной весны я зарядился на пути в университет, идя от станции метро к Шуваловскому корпусу.

Мы живем в Солнечной системе, и поэтому наш Бог — это Солнце. Однажды, несколько лет назад, я вышел на улицу, ярко светило Солнце, и я понял, что Иисус Христос — это Солнце. Потом я нашел подтверждение своему открытию в другой книге Родни Коллина «Теория бесконечной жизни»⁷.

Итак, моя задача — дарить людям солнечное тепло. Но почему трагизм? Я дарю тепло своей жене, дочери и внучке, своим ученикам и просто студентам, своим друзьям, московским и далеким, живущим в Париже и в Нью-Йорке. Но когда я еду в переполненном метро усталый из университета домой и вижу бессмысленные лица моих «друзей»-органиков, я не могу их полюбить. Я не Сознательный в гурджиев-

---

⁵ Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. М. : Наука, 1978.

⁶ Коллин Р. Теория небесных влияний. СПб. : Издательский дом ВЕСЬ, 2016.

⁷ Там же.

ском смысле, я, скорее, бессознательный. А их становится все больше и больше, и они погубят нашу планету. Правда, иногда их лица осмысливаются, когда они разговаривают с женами по телефону или переписываются с друзьями. Вообще я придумал апокрифическую теорию характера. Впрочем, в этом меня опередил на сто лет Ганнушкин, который писал, что в человеке всех характеров понемножку, включая шизофренический. Новизна моей концепции только в том, что я считаю, что у каждого человека характер, или радикал, как говорят мои коллеги, ученики Марка Евгеньевича Бурно, меняется в зависимости от обстоятельств, как стеклышки в калейдоскопе. Сейчас он шизоид, а посмотрел на красивую девушку и стал синтонным, увидел напряженную морду эпилептоида и сам заразился авторитарностью, и так далее. С этой теорией надо еще поработать. Но она вселяет некоторую надежду: органики не все время органики.

Я мысленно вижу эпитафию на могиле Григория Сквороды: «Мир меня ловил, но не поймал». Я же наоборот все время ловлю реальность и никак не могу поймать ее. Вот почему трагизм.

4. Истина против правды. Новый трагизм — это, несомненно, своеобразное этическое учение. В то же время, это глубоко экзистенциальный дискурс. В этой связи может возникнуть вопрос, каким образом понимать то, что автор этих строк в своих предшествующих книгах выступал гонителем истины как иллюзии, как, по мнению Фуко, чего-то, что закреплено за властью. (Речь идет о моей книге «Против истины»⁸.) Но разве новый трагизм это не истинное учение? Нет, он *правдивое* учение. И поскольку эта оппозиция правды и истины существует только в русском языке, новый трагизм — это русское (российское?) учение. Я вообще отказываюсь от амбиции стать европейским философом. Розанов так Розанов. Шкловский так Шкловский. Чем же отличается истина о правды? Истина объективна, именно поэтому она и иллюзорна, ибо объективной реальности не существует. Правда глубоко субъективна. Постмодернизм объявил смерть субъекта:

---

⁸ Руднев В. Против истины. М. : Добросвет, 2018.

«СМЕРТЬ СУБЪЕКТА» — метафорический термин для обозначения одного из двух полюсов амбивалентной тенденции размывания определенности субъект-объектной оппозиции в рамках постмодернистской программы преодоления традиции бинаризма, фиксирующий отказ постмодернистского типа философствования от презумпции субъекта в любых версиях его артикуляции (ино-, поли- и, наконец, бес-субъектность «непознаваемого субъекта» эпохи постмодерна). Оформление презумпции «С.С.» в современной культуре подготовлено эволюцией неклассической философии, во многом деформировавшей традиционно-классическое понимание субъекта как носителя чистой когнитивной рациональности (начиная с философии жизни). Монолитность субъекта расшатывается в неклассической философии процессуальностью противостояния «Оно» и «Сверх-Я» в классическом фрейдизме <...>. Термин «С.С.» вошел в философский оборот после работ Фуко «археологического периода» (начиная с работы «Слова и вещи: Археология гуманитарных наук», 1966) и был специфицирован Р. Бартом как «смерть автора» (одноименная работа, 1968). Парадигматическая фигура «С.С.» в постмодернистской философии означает, прежде всего, гибель традиционного (стабильного, однозначно центрированного и линейно детерминированного со стороны общего социального порядка) субъекта⁹.

Поскольку новый трагизм это попытка преодоления постмодернизма, он — за субъект.

Истина — это нечто общее и внешнее. Правда — нечто индивидуальное и внутреннее. «Истина одна, а правда у каждого человека своя» (см. книгу Ю. С. Степанова¹⁰).

В чем же состоит правда нового трагизма? В отказе от непрямого высказывания, от «лингвистической демагогии», от косвенных речевых актов. Значит ли это, что нужно резать правду-матку? Иногда да. Сказать подлецу, что он под-

⁹ Постмодернизм: Энциклопедия. Минск : Интерпресс сервис, 2001. С. 774.

¹⁰ Степанов Ю. С. Словарь русской культуры. М. : Языки славянской культуры, 1998.

лец. Сказать малышу, что он нарисовал неважную картинку. Только нужно иметь в виду, что от подлеца за это можно схлопотать по уху, а малыш может обидеться. Ничего, пусть привыкает к правде.

Соответствует ли новый трагизм новой модели реальности, воплощенной в ленте Мёбиуса, на которой вращаются смыслы, переходя из внешнего во внутренний и обратно? Как ни странно, соответствует. Правда континуальна, истина дискретна. Правда на стороне смысла. Истина на стороне денотата. Борьба между истиной и правдой — это борьба между красными и белыми.

Я не предал белое знамя,
Оглушенный криком врагов,
Ты прошла ночными путями,
Мы с тобой — одни у валов.

Это Блок написал задолго до гражданской войны. Но я всегда в детстве воспринимал это так, что Блок был на стороне белых, хотя формально он был на стороне красных, отчего и умер так рано. У нас вновь наступила зима, выпал белый снег. «Снег повалил хлопьями, сделалась метель». Ну вот, вы видите, как нелегко дается преодоление постмодернизма.

5. Назад к словам — вперед к вещам. Философия XX века была рефлексией над словами и предложениями, а не над вещами и фактами. Короче говоря, во главу угла ставился язык. Родоначальником этой философии был профессор Хиггинс из пьесы Бернарда Шоу «Пигмалион». Он говорил: «...как это интересно, — взять человека и, научив его говорить иначе, чем он говорил до сих пор, сделать из него совершенно другое, новое существо...». Человек создан из языка. Язык появился раньше, чем реальность — жесткая формулировка гипотезы лингвистической относительности Эдуарда Сэпира и Бенджамена Ли Уорфа.

Вся мыслительная деятельность XX века — это о словах и пропозициях — лингвистическая философия, философия лингвистического анализа, философия обыденного языка, теория речевых актов. Можно возразить, что был экзистенциализм — философия жизни. Но как называется самое известное произведение Сартра? «Слова»! — Что вы читаете, милорд? — Слова, слова, слова! Дальше уже пошел пост-модернизм —

мир воспринимался как текст. Одного из главных мэтров постмодернистской философии Жака Деррида так и называли — Господин Текст. Но ведь еще были и естественные науки — биология, физика. Но что такое биология XX века? Это зашифрованный язык генома. А что такое физика XX века? Это квантовая механика, начавшаяся с «исчезновения материи» в конце XIX века, когда казалось, что материя может делиться до бесконечности и постепенно совпасть с мыслью, которая движется со скоростью, превышающей скорость света.

Шизофрения, специфическая болезнь XX века — это болезнь языка. Его порча. Слова не похожи на вещи. В XX веке мы жили, скорее, в вымышленном мире слов и пропозиций, а не в подлинном мире вещей и фактов. Психоанализ — лечение словом. Вся психотерапия XX века, за исключением телесно-ориентированной, — это лечение словом. Да и само тело стало восприниматься как текст¹¹.

Новый трагизм — это движение вперед к вещам и фактам. Но откуда взять вещи? Если все окутано паутиной странных объектов, во главе которых Интернет. Из Интернета! Как вещь рождается из Интернета? Вы сами прекрасно знаете, как это происходит. Например, я никогда не видел фотографии знаменитого физика Вольфганга Паули, который считал, что физика и психология должны стать единой наукой. Сейчас посмотрим. Лицо интеллектуала с красивыми еврейскими глазами, длинным носом, погруженный в себя шизоид. Вот так вещи возникают из Интернета.

А причем здесь Новый трагизм? Ну как же, ведь Вольфганг Паули умер в 1958 году. И никаким Интернетом его не воскресить. Вещи из Интернета — это особые вещи — это странные объекты, которые воздействуют на нас с такой же силой, как воздействуют *iphone* и *ipode*. Сколько новых вещей в Интернете, никогда не виданных! Сколько путешествий можно совершить по Интернету! Но я не любитель путешествий. Разве что Белград. Город, где все меня любят, и я всех люблю. Город моего Нового трагизма. Почему трагизма? Потому что я живу в Москве, где все друг к другу равнодушны. Не так он прост, этот Новый трагизм.

---

¹¹ Подорога В. А. Феноменология тела. М. : Ad Marginem, 1993.

6. Почему я пишу статью про Новый трагизм? Мне кажется, я знаю, почему. Но это не так просто сформулировать. Австрийский психоаналитик Хайнц Кохут различал виновного человека (невротика) и трагического человека (нарцисса). Наше время — это время трагического человека. Время Нового трагизма. В чем его суть? Страшный кризис поразил все наше общество: и политику, и науку, и философию. Политика в России давно кончилась, на ее месте оказался бандитизм. В науке повторяют одно и то же или придумывают новые теории, которые никому не нужны. Слово «когнитивный» стало междисциплинарной отмычкой. Философия ... но философия не должна быть связана со своим временем. Я читаю «Фатальные стратегии» Бодрийара. Удивительно, насколько эта книга связана со временем ее написания, началом 1980-х годов. Поэтому это не совсем философия, это, скорее, философская публицистика. Новый трагизм — сугубо философское учение, он поэтому не должен быть связан со своим временем.

А может ли быть Новый комизм? Нет, недаром Аристотель не дописал «Поэтику». А В. Я. Пропп, автор двух гениальных книг, написал совершенно бездарную книгу «Проблемы смеха и комизма». Да и «Рабле» у Бахтина гораздо хуже, чем «Проблемы поэтики Достоевского». Эту трагическую книгу я прочитал одной из первых в своей сознательной жизни филолога. Выходит, о комическом писать невозможно? Но ведь тот же Пропп написал великолепную статью «Ритуальный смех в фольклоре». Но это *ритуальный*, и в *фольклоре*. Я же говорю о комической жизни. Комическая жизнь, по-видимому, невозможна, потому что она (во всяком случае, так думает человек) всегда заканчивается смертью. Так вот, о книге Бахтина о Достоевском. Если убрать фантастическую теорию мениппеи как основы истории литературы, то эту книгу можно отнести к Новому трагизму. Потому что трагизм ее диалогический. Раскольников — шизонарцисс (термин И. П. Смирнова), но он все время находится в диалоге с собой и со своими идеологическими двойниками. Это поистине трагический человек, как назвал нарцисса Кохут. Нарцисс — это не тот, кто больше всех любит себя (это *расхожее* понимание нарциссизма), а тот, кто не может полюбить дру-

гого. Так вот, Новый трагизм диалогичен. С кем же я веду диалог? Прежде всего, со своими друзьями. С теми, чье мнение мне дорого. Но почему это называется «Новым трагизмом»? Ты хотел бы, чтобы все мнения совпадали? Но разве это трагично, что они никогда не совпадают? Да нет. Тогда как понимать то, что ты пишешь? Ну вот, видишь ли, я как раз для того и пишу, чтобы это понять.

7. Похвала лжи. Нельзя все время говорить правду. Правдой можно отравиться. Если правда — это информация, а ложь — энтропия, то мы все время «живем по лжи», мы разрушаемся, переходим в равновероятное состояние, согласно Второму началу термодинамики. Правда, синергетика доказала, что существуют самоорганизующиеся системы, но синергетика — это постмодернистская физика. Только крупницы правды возвращают нам молодость. Правда, Родни Коллин в книге «Теория небесных влияний» обосновал взгляд, в соответствии с которым после разрушения следует возрождение, но это постмодернистская эзотерика. Жить в бесконечном потоке информации невозможно. Согласно закону Клода Шеннона проводник информации должен быть длинным, но тонким, как проволока. В начале перестройки нас захлебнула волна информации. Бесконечные разоблачения по ТВ, радио, в журналах и газетах Сталина, Берии, Жданова, а потом и Ленина. Публикации Солженицына, Платонова, Евгении Гинзбург, Войновича и т. д. Все это мы хотели прочитать как можно скорее, потому что думали, что канал скоро перекроют, как после оттепели 1950-х годов. Его не перекрыли. Просто информация иссякла. Правда хорошо, а счастье лучше. Последовали голодные гайдаровские годы. «Хотели, как лучше, а получилось, как всегда» — бессмертный афоризм Черномырдина.

Почему же я защищаю ложь? Но мы ведь не знаем, что такое правда. Почему мы исходим из того, что правда — это нечто самопонятное (термин Георгия Чернавина)? Послушайте, как фальшиво звучит сейчас название публицистического трактата Солженицына «Жить не по лжи!» Солженицын — эпилетпоид, он «знал, как надо». Д. А. Пригов имел привычку, уходя из гостей, давать хозяину рубль за то, что тот надевал на него пальто, и глубокомысленно напутствовать напоследок: «Живите не по лжи!»

То, что правда и ложь являются двумя сторонами одной медали, я понял, прочитав П. Д. Успенского, который писал, передавая слова Гурджиева, что в состоянии Сознательности мы отдаем себе отчет, что лжем, когда говорим правду, говорим правду, когда лжем, любим то, что ненавидим, ненавидим то, что любим. И когда мы понимаем весь позор и ужас этого положения и не сходим от этого с ума, вот это и называется Сознательностью.

Вещи и факты сами по себе не истинны и не ложны, это *мы* их делаем такими. Правда и ложь — это не свойства мира, а свойства нашего сознания. Если бы мы жили в параллельных мирах, как мечтал покойный физик М. Б. Менский, то там не было бы ни правды, ни лжи. Поскольку там господствовал бы принцип суперпозиции, то энтропия бы все время превращалась в информацию и обратно, как и в нашей «новой модели реальности» на ленте Мебиуса.

8. Проблема вымысла. «Над вымыслом слезами обольюсь». В этой пушкинской строке вся философия вымысла. А что такое вымысел в Новом трагизме? Какова эстетика Нового трагизма? Без цитат, без реминисценций. «Он сказал». «Она пошла». Когда я жил в Риге с 1979 по 1990-й год, я в основном не занимался наукой, а писал художественную прозу, как тогда говорили, «в стол». Мои опусы были в высшей степени постмодернистскими. Одни цитаты и реминисценции. Потом я понял, что так писать больше не интересно. Тогда я написал роман, в котором не было ни одной внешней цитаты или реминисценции. Правило было такое: предложения должны были быть связаны через два или через три. Этим нарушался фундаментальный принцип связности текста и создавался эффект внутренних лейтмотивов, как в операх Вагнера. Я тогда находился под влиянием музыкальной мотивной теории своего тогдашнего учителя Бориса Михайловича Гаспарова и писал свои опусы, как музыку. Но это был постмодернизм наоборот. Тогда я задумал роман, где не было бы вообще никаких стилистических выкрутасов. Просто: «Он пошел». «Она сказала». Но не: «Он подумал», — потому что мы не можем знать, что подумал другой человек. Я написал только первую главу «День, когда умерла Аделанда» про девочку, у которой умерла мать, и она

не понимает, в чем дело. Но здесь использовался придуманный Шкловским прием остранения. Выхода из постмодернизма не было. Я бросил писать прозу и стал изучать философию.

Вымысел и документальный дискурс связаны очень условно. Так, Наполеон в «Войне и мире» — это вымышленный персонаж. Я не бонапартист, мне Наполеон кажется ничем не лучше Гитлера. Но то, как изобразил его Толстой, ничем не отличается от того, как он изобразил князя Андрея Болконского, то есть как вымышленного персонажа. Как известно, Даниил Андреев считал князя Андрея сыном Толстого (то есть приравнивал его к настоящими людям), который и сейчас присутствует «где-то в Шаданакаре». По этой логике получается, что и Наполеон из «Войны и мира» был тоже сыном Толстого, нелюбимым, «блудным» сыном. Я не имею никаких претензий к Толстому. Изобразить «правдиво» Наполеона невозможно. У каждого историка — от Тьера, которого читал Толстой, до академика Тарле — свой Наполеон.

И Бородинское сражение, которое Толстой изобразил как победу, тоже вымышленное событие. Какая же это победа? Русские войска отступили и оставили Москву, историческую столицу Российского государства. Но, с другой стороны, есть своя правда и в рассуждениях Толстого. Бородинское сражение обескровило французскую армию, а Кутузов, отступив и сдав Москву, спас остатки русской армии, чем подготовил дальнейшую победу над Наполеоном.

Вымысел и Новый трагизм соотнесены сложным образом. Я думаю, что в будущем искусство будет переплетать в себе художественный и документальный материал. Мне это пришло в голову, когда летом 2013 года обсуждали на передаче Александра Гордона «Закрытый показ» фильм «Самый последний конец света», посвященный ожиданию апокалипсиса в конце 2011 года. Эта передача так и не вышла в эфир, а программа Гордона вообще закрыта.

Как представить себе дискурс такого типа? Это некий новый мифологизм, где нейтрализованы все оппозиции (так понимал миф А. М. Пятигорский), в частности, оппозиция между вымыслом и документом и между жизнью и смертью как самой значимой оппозицией в культуре. Об этом в плане онтологии Нового трагизма тоже необходимо подумать.

9. Между смертью и жизнью. Согласно Родни Коллину, между смертью и жизнью находится зачатие.

Смерть и зачатие *в вечности* являются одним. Жизнь каждого человека находится во времени, но сумма его жизней пребывает в вечности. Точка, в которой одна жизнь соединяется со следующей, — это точка, в которой время соединяется с вечностью. В этой точке воздействия его жизни переходят из одного времени в другое. То, что было, создает то, что будет. И все, что человек называет самим собой, должно заснуть, чтобы проснуться в том же самом теле, в том же окружении, в те же проблемы, которые он оставил раньше, — не подозревая, что бывает как-то иначе.

Поскольку мы не способны проникнуть в низшие миры непосредственно, мы не догадываемся, какое ослепляющее разрушение, взрыв и экстатическое слияние приносит молекулам крови кислород нашего дыхания. Но для себя мы понимаем, что этот шок, отделяющий конец жизни от начала следующей, отделяющий сущность от трупа и вкладывающий ее снова в семя — это самое ужасное, с чем призвано столкнуться человеческое существо¹².

Обычный человек не имеет сознательной души, которая появляется лишь на молекулярном уровне его жизни, и, тем более, духа. Когда мы говорим: «Он испустил дух», — то это просто метафора. Дух — это признак высшей электронной жизни, которой жили и продолжают жить Будда и Христос.

Люди воспринимают смерть трагически, потому что ничего о ней не знают. Как говорил Кириллов в «Бесах», страх смерти складывается из боязни боли и того света.

— Что же удерживает людей, по-вашему, от самоубийства? — спросил я. Он рассеянно посмотрел, как бы припоминая, об чем мы говорили. — Я... я еще мало знаю... два предрассудка удерживают, две вещи; только две; одна очень маленькая, другая очень большая. Но и маленькая тоже очень большая. — Какая же маленькая-

---

¹² Коллин Р. Теория небесных влияний. СПб. : Издательский дом ВЕСЬ, 2016. С. 363

то? — Боль. — Боль? Неужто это так важно... в этом случае? — Самое первое. Есть два рода: те, которые убивают себя или с большой грусти, или со злости, или сумасшедшие, или там всё равно... те вдруг. Те мало о боли думают, а вдруг. А которые с рассудка — те много думают. — Да разве есть такие, что с рассудка? — Очень много. Если б предрассудка не было, было бы больше; очень много; все. — Ну уж и все? Он промолчал. — Да разве нет способов умирать без боли? — Представьте, — остановился он предо мною, — представьте камень такой величины, как с большой дом; он висит, а вы под ним; если он упадет на вас, на голову — будет вам больно?

— Камень с дом? Конечно, страшно. — Я не про страх; будет больно?

— Камень с гору, миллион пудов? Разумеется, ничего не больно.

— А станьте вправду, и пока висит, вы будете очень бояться, что больно. Всякий первый ученый, первый доктор, все, все будут очень бояться. Всякий будет знать, что не больно, и всякий будет очень бояться, что больно.

— Ну, а вторая причина, большая-то?

— Тот свет.

— То есть наказание?

— Это всё равно. Тот свет; один тот свет.

— Разве нет таких атеистов, что совсем не верят в тот свет?

Опять он промолчал.

— Вы, может быть, по себе судите?

— Всякий не может судить как по себе, — проговорил он покраснев. — Вся свобода будет тогда, когда будет всё равно, жить или не жить. Вот всему цель.

— Цель? Да тогда никто, может, и не захочет жить?

— Никто, — произнес он решительно.

— Человек смерти боится, потому что жизнь любит, вот как я понимаю, — заметил я, — и так природа велела.

— Это подло, и тут весь обман! — глаза его засверкали.

— Жизнь есть боль, жизнь есть страх, и человек несчас-

тен. Теперь всё боль и страх. Теперь человек жизнь любит, потому что боль и страх любит. И так сделали. Жизнь дается теперь за боль и страх, и тут весь обман. Теперь человек еще не тот человек. Будет новый человек, счастливый и гордый. Кому будет всё равно, жить или не жить, тот будет новый человек. Кто победит боль и страх, тот сам бог будет. А тот бог не будет.

— Стало быть, тот бог есть же, по-вашему?

— Его нет, но он есть. В камне боли нет, но в страхе от камня есть боль. Бог есть боль страха смерти. Кто победит боль и страх, тот сам станет бог. Тогда новая жизнь, тогда новый человек, всё новое... Тогда историю будут делить на две части: от гориллы до уничтожения бога и от уничтожения бога до...

— До гориллы?

— ...До перемены земли и человека физически. Будет богом человек и переменится физически. И мир переменится, и дела переменятся, и мысли, и все чувства. Как вы думаете, переменится тогда человек физически?

— Если будет всё равно, жить или не жить, то все убьют себя, и вот в чем, может быть, перемена будет.

— Это всё равно. Обман убьют. Всякий, кто хочет главной свободы, тот должен сметь убить себя. Кто смеет убить себя, тот тайну обмана узнал. Дальше нет свободы; тут всё, а дальше нет ничего. Кто смеет убить себя, тот бог. Теперь всякий может сделать, что бога не будет и ничего не будет. Но никто еще ни разу не сделал.

— Самоубийц миллионы были.

— Но всё не затем, всё со страхом и не для того. Не для того, чтобы страх убить. Кто убьет себя только для того, чтобы страх убить, тот тотчас бог станет.

— Не успеет, может быть, — заметил я.

— Это всё равно, — ответил он тихо, с покойною гордостью, чуть не с презрением.

А как же влечение к смерти? Фрейд придумал влечение к смерти, когда его перестала удовлетворять теория либидо. Ее чем-то нужно было уравновесить. Если смерть есть цель жизни, как постулировал Фрейд в статье «По ту сторону принципа удовольствия», то равновесие как будто достигну-

то. Но мы знаем только *о своем* влечении к смерти, если оно у нас есть. Про Другого мы вообще ничего не знаем. Поэтому Лакан говорил, что сексуальных отношений не существует. Ему вторит Бодрийар в «Фатальных стратегиях», где он пишет, что человек не знает наслаждения другого. Вообще тогда объектных отношений не существует. Поэтому люди все время «выясняют отношения».

Смерть — одна ты домоседка / Со своим веретеном, — писал Давид Самойлов в стихотворении о смерти Пушкина. У Пушкина было сильное влечение к смерти. Он изнурил свою жизнь в несуществующих сексуальных отношениях и умер в расцвете лет. По Родни Коллину, средний возраст жизни человека — 76 лет. Пушкин, несомненно, принадлежит к Новому трагизму. В конце своего творческого пути он преодолел постмодернизм и стал искать пути к прямому высказыванию. Особенно это хорошо видно в стихотворениях Каменноостровского цикла. Это был «Путь Пушкина к прозе», как назвал его Б. М. Эйхенбаум. Пушкин написал историю Пугачева и собирал материалы к истории Петра I. Он хотел знать, как все было «на самом деле», а это анти-постмодернистская установка.

Я долго не знал, что такое страх смерти. Мне казалось, что я просто усну, а «какие сны в том смертном сне приснятся», меня не интересовало. Страх смерти появился, когда умер мой любимый кот Симба, или Бушуй, как я его называл. Он был настоящим другом. Я ему посвятил книгу «Новая модель шизофрении», в частности, чтобы подчеркнуть, что животные этой болезнью не страдают. Он умирал мучительной смертью. После этого долгое время я не мог слышать разговоров о смерти и болезнях. Потом это прошло.

10. Предопределенность. Жить в Новом трагизме — это значит жить не просто против жизни, а *по ту сторону* жизни. Что значит по ту сторону жизни? По ту сторону принципа удовольствия? Нет, по ту сторону принципа реальности. Даже по ту сторону новой модели реальности. Соскочить на полном ходу с крутящейся в противоположные стороны ленты Мебиуса и попасть во тьму внешнюю. Но это не смерть. Это значит начать свою жизнь сначала.

Что такое предопределенность?

Предопределение — это нечто вроде большого зеркала коллективного бессознательного. Оно пусто. Но в нем отражается малое зеркало индивидуального бессознательного с нашими негативными эмоциями, с механической любовью, то есть вожделением, с ненавистью, с равнодушием. Если мы готовы отразиться в большом зеркале, то там отразится вся информация сразу. Это и есть предопределение.

Зерно нашего понимания предопределенности — это симультанность, «всё сразу»! Как можно жить «всё сразу»? В параллельных мирах? Но Новый трагизм не имеет отношения к параллельным мирам. Нужно жить по принципу «всё сразу» в одном-единственном действительном мире. Мир на самом деле симультанен. Не надо только зацикливаться на себе. Надо *помнить* себя! Надо помнить, что повсюду каждую минуту рождаются и умирают люди, по улицам всего мира едут миллионы автомобилей, миллионы людей одновременно занимаются любовью, едят, испражняются, дерутся, кричат, молчат и так далее. Почему это называется помнить себя? Потому что человек Нового трагизма выбирает прямое высказывание. Он больше не задает вопросов вроде «Что ты хотел этим сказать?» (название моей книги¹³).

Человек живет в мире, где предопределено всё сразу. Человек просто наблюдатель реальности, поскольку он живет по ту сторону жизни. Я заново родился. Я родился в рубашке Нового трагизма. Я смотрю в зеркало коллективного бессознательного, и в нем отражается весь мир, вся культура. У меня появляется душа. Я больше не буду никого ненавидеть. Я наблюдатель по ту сторону жизни. Это можно назвать реперсонализацией. Но почему трагизм? А что такое трагедия? Это козлиная песнь. Я просто козел отпущения.

А постмодернизм этот мы еще разъясним. Еще не вечер!

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Грайс Х. П.* Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. Москва : Прогресс, 1985.

---

¹³ *Руднев В.* Что ты этим хотел сказать? М. : Добросвет, 2018.

2. Коллин Р. Теория бесконечной жизни. Санкт-Петербург : Издательский дом ВЕСЬ, 2016.
3. Коллин Р. Теория небесных влияний. Санкт-Петербург : Издательский дом ВЕСЬ, 2016.
4. Подорога В. А. Феноменология тела. Москва : Ad Marginem, 1993.
5. Постмодернизм: Энциклопедия. Минск : Интерпресс сервис, 2001.
6. Руднев В. Новая модель реальности. Москва: Издательский дом «Высшая школа экономики», 2016.
7. Руднев В. Против истины. Москва : Добросвет, 2018.
8. Руднев В. Что ты этим хотел сказать? Москва : Добросвет, 2018.
9. Степанов Ю. С. Словарь русской культуры. Москва : Языки славянской культуры, 1998.
10. Успенский П. Д. Новая модель Вселенной. Москва : ФАИР-ПРЕСС, 1999.
11. Фрейденберг О. М. Миф и литература древности. Москва : Наука, 1978.
12. Чернавин Г. И. Непонятность самоочевидного. Москва : Добросвет, 2018.